

•thebigbook•

КНИГИ
ЯНА-ФИЛИППА
ЗЕНДКЕРА:

ИСКУССТВО СЛЫШАТЬ СТУК СЕРДЦА
♦
СЕРДЦЕ, ЖИВУЩЕЕ В СОГЛАСИИ

ШЕПОТ ТЕНЕЙ
♦
ПРОБУЖДЕНИЕ ДРАКОНА

ЯН-ФИЛИПП
ЗЕНДКЕР

ИСКУССТВО
СЛЫШАТЬ СТУК
СЕРДЦА

СЕРДЦЕ, ЖИВУЩЕЕ
В СОГЛАСИИ

Санкт-Петербург

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44
3 56

Jan-Philipp Sendker
THE ART OF HEARING HEARTBEATS
Copyright © 2002 by Karl Blessing Verlag
Originally published in German as *Das Herzhören* in 2002
by Karl Blessing Verlag,
a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, Munich, Germany
English translation © 2006 by Kevin Wiliarty
A WELL-TEMPERED HEART
Copyright © 2012 by Karl Blessing Verlag
Originally published in German as *Das Herzenstimmen* in 2012
by Karl Blessing Verlag,
a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, Munich, Germany
English translation © 2013 by Kevin Wiliarty
All rights reserved

Перевод с английского Игоря Иванова

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-17368-2

© И. Б. Иванов, перевод, 2013, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ИСКУССТВО СЛЫШАТЬ
СТУК СЕРДЦА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Первое, что меня в нем поразило, — глаза. Цепкие, глубоко посаженные, они смотрели в упор. Вообще-то, в мою сторону поглядывали все посетители чайного домика: кто украдкой, кто открыто. Но этот человек пялился так беззастенчиво, словно встретил диковинную зверушку. Я не знала, сколько ему лет; судя по морщинистому лицу — шестьдесят, а то и все семьдесят. Одет он был в пожелтевшую от времени и стирок рубашку, зеленую лоунджи¹ и шлепанцы на каучуковой подошве. Ну и пусть таращится! Я с подчеркнутым равнодушием обвела взглядом деревянную лачугу с несколькими столиками и стульями, стоявшими прямо на сухой пыльной земле. На стенах висели картинки из старых календарей и фотографии молодых женщин. Их юбки до пят, кофты с длинными рукавами, стоячие воротнички и серьезное выражение лиц напомнили мне другие снимки. Те, которые продавались на блошиных рынках Нью-Йорка, — раскрашенные черно-белые фото рубежа девятнадцатого и двадцатого веков, запечатлевшие девушек из состоятельных семей. У дальней стены поблескивала стеклянная витрина, уставленная пирожными и рисовыми кексами — лакомством для десятков мух. Рядом на газовой горелке кипел закопченный

---

¹ *Лоунджи* — традиционная бирманская одежда, напоминающая индийское сари. Как и сари, лоунджи состоит из одного куска материи, оборачиваемого вокруг бедер. — *Здесь и далее примеч. перев.*

чайник. В углу громоздились деревянные ящики с оранжевой газировкой. Более жалкого заведения я еще не видела.

Меня донимала жара. Струйки пота текли по вискам, сползая на шею. Джинсы прилипли к телу. И вдобавок старик вдруг встал и подошел ко мне.

— Тысяча извинений, юная госпожа, за то, что осмелился обратиться к вам, — начал он, усаживаясь за столик. — Знаю, вести себя так — крайне невежливо с моей стороны, особенно учитывая, что мы незнакомы и вы не имеете даже отдаленного представления, кто я такой. Меня зовут У Ба. Я много слышал о вас, хотя это никоим образом не извиняет моей бесцеремонности. Полагаю, вы шокированы. Еще бы! Приехали в чужую страну, оказались в провинциальном городишке, зашли в чайный домик и вдруг стали объектом внимания странного человека. Мне в высшей степени понятно ваше состояние, но все же хочется... нет, я просто испытываю необходимость задать один вопрос. Я так долго дожидался этой возможности, что теперь, когда вы здесь, не мог сидеть и молча наблюдать за вами.

Если быть точным, я ждал вас целых четыре года. Сколько дней выхаживал по пыльной главной улице и вглядывался в лица немногочисленных туристов, забредших в наше захолустье. В те редкие дни, когда прилетал самолет из столицы, я, если не был занят, отправлялся в наш маленький аэропорт в надежде на ваше прибытие.

— Долго же вам пришлось дожидаться, — хмыкнула я.

— Только не подумайте, будто я вас упрекаю. Прошу понять меня правильно. Мне много лет, и я не знаю, сколько еще проживу. В нашей стране люди стареют быстро и умирают молодыми. Вот и конец моей жизни неумолимо приближается, однако я должен был увидеть вас и рассказать одну весьма значимую историю.

Улыбаетесь. Думаете, я выжил из ума? Или считаете меня эксцентричным стариком? У вас есть на это все основания. Только не уходите, прошу! Понимаю: мои слова кажут-

ся в высшей степени странными. Согласен, мой внешний вид не вызывает доверия. Я даже не могу по-настоящему вам улыбнуться. Для этого нужны белые, сверкающие зубы, а не жалкие почерневшие огрызки, которые даже жевать не способны. Это лишь руины прежней улыбки. Окружающим не нравится мое несвежее дыхание. Моя кожа обвисла — болтается на руках, словно белье на веревках. Ноги грязные, все в мозолях от дешевых сандалий. Мою, с позволения сказать, белую рубашку давным-давно пора выбросить на помойку. Поверьте, я весьма щепетилен в подобных вопросах, однако вы видите, в каком положении пребывает наша страна. Поистине в удручающем! Меня никоим образом не устраивает нынешний упадок, но, увы, избавить родину от сей горькой участи я не способен. Я долго учился принимать как данность то, что не в силах изменить. Да не собьет вас с толку мое жалкое обличье! Не путайте стоицизм с утратой интереса к жизни или тем паче с капитуляцией перед ее ударами. Нет, моя дорогая, столь предосудительному малодушию нет места в моем сердце.

Его произношение оставляло желать лучшего, но говорил он на достаточно правильном английском. Вот только слова и обороты... Такие фразы я слышала лишь в старых английских фильмах.

— Но я отвлекся, по глазам вижу, что испытываю ваше терпение. Сделайте одолжение, не отворачивайтесь. Я правильно угадал, вас никто не ждет? Вы приехали одна. Посидите со мной еще немного, Джулия, не пожалейте нескольких минут для старика.

Вы изумлены? О, как округлились ваши прекрасные карие глаза. Впервые за все это время вы смотрите на меня. Спрашиваете себя: «Откуда, черт побери, он знает мое имя, если прежде мы никогда не встречались и здесь я впервые?» Вы теряетесь в догадках: может, я случайно увидел наклейку на вашей куртке или рюкзачке? Уверяю, мне это ни к чему. Я знаю не только имя, но и день и час вашего рождения.

Мне известно очень многое о малышке Джул, которая больше всего обожала вечерами слушать отца. Я хоть сейчас могу рассказать вашу самую любимую историю — «Сказку о принце, принцессе и крокодиле». Вы часто слушали ее перед сном.

Я замерла, а он продолжил:

— Итак, вас зовут Джулия Вин. Вы родились двадцать восьмого августа тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года в Нью-Йорке. Ваша мать американка, а отец — бирманец. Ваша фамилия стала частью моей истории и моей жизни в тот самый момент, когда я пятьдесят пять лет назад покинул материнскую утробу. А в последние четыре года не было и дня, чтобы я не думал о вас. Потерпите немного: я все объясню. Но вначале позвольте спросить, верите ли вы в любовь?

В устах этого старика вопрос звучал до такой степени нелепо, что я невольно рассмеялась.

— Смеетесь. Какая же вы красивая. Однако я вполне серьезен. Джулия, вы верите в любовь?

Я молчала.

— Конечно же, я спрашиваю не о всплесках страсти, которые побуждают нас говорить и делать то, о чем впоследствии придется жалеть. Речь не о глупых заблуждениях, будто нам не прожить без какого-то человека. Мы дрожим от страха, едва подумав, что можем потерять предмет нашей страсти. На самом деле такие чувства скорее обедняют, нежели обогащают, ибо мы жаждем безраздельного обладания тем, что нам не принадлежит, и цепляемся за то, на что не имеем права. Я имею в виду не плотские желания и не любовь к себе — эту паразитку, рядящуюся в одежды бескорыстности.

Нет, Джулия, я говорю о любви, дарующей зрение слепым. О любви, что сильнее страха. Я говорю о любви, которая наполняет жизнь смыслом, противостоит природным законам угасания. Я говорю о любви, не знающей границ, о любви, заставляющей нас расцветать. Я говорю о торжестве человеческого духа над эгоизмом и смертью.

Его монолог начал меня утомлять.

— Качаете головой? Не верите ни во что такое? Не знаете, о чем я говорю? Что ж, ничего удивительного. Я и сам думал по-иному, пока не встретил вашего отца. Не торопитесь забрасывать меня вопросами. Вы все уразумеете, когда услышите мою историю. Четыре года я хранил ее в своем сердце. И сейчас прошу лишь чуточку терпения. Уже поздно, и вы наверняка устали в долгой дороге. Мне же, старику, нужно беречь силы. Надеюсь, вы правильно поймете, если я вас покину. Завтра мы могли бы встретиться снова в это же время, за этим столиком. Кстати, здесь я познакомился с вашим отцом. Он сидел на стуле, где сидите вы, и рассказывал. Должен признаться, я был ошеломлен еще сильнее, чем вы, и недоверчиво качал головой. Никогда и ни от кого я не слышал таких историй. Могут ли у слов вырасти крылья? Способны ли фразы порхать, как бабочки? Разве им под силу пленять нас и уносить в другие миры? Мыслимо ли, чтобы человек содрогнулся от слов, аки земля — от природного катаклизма? Неужто в их власти открывать потаенные уголки наших душ? Не знаю, умеют ли все это делать сами слова, но вместе с голосом — еще как! А голос вашего отца, Джулия, в тот день был настолько необыкновенный... Такой голос бывает у человека лишь раз в жизни. Пожалуй, он не столько говорил, сколько пел — совсем тихо, но не нашлось в чайном домике посетителя, которого бы его речь не тронула до слез. Фразы сплетались в историю, а из нее рождалась жизнь, являя свою силу и магию. Услышанное в тот день сделало из меня такого же убежденного верующего, как и ваш отец. Он сказал: «Знаешь, У Ба, я — человек нерелигиозный, и любовь — единственная сила, в которую верю». Эти слова я запомнил на всю жизнь.

У Ба посмотрел на меня и встал. Сложил ладони перед грудью, поклонился и вышел из чайного домика быстрой и легкой походкой.

Я провожала его взглядом, пока он не скрылся в уличной толпе.

Хотелось крикнуть ему вслед, что я не верю в силу, способную даровать зрение слепым, не верю в чудеса и магию. Жизнь слишком коротка, чтобы растрачивать ее на тщетные надежды. Уж лучше наслаждаться тем, что есть, чем залезать в дебри самообмана. Верю ли я в любовь? Ну и вопрос! Любовь — не религия. В восемнадцать лет я мечтала о принце, который избавит меня от всех проблем. А когда появился тот, кого я приняла за венценосного суженого, жизнь преподнесла мне жестокий урок. Я на собственной шкуре убедилась, что королевские сыны обитают только в сказках и что любовь делает человека слепым. Хотелось крикнуть этому старику, что мне неведома более могущественная сила, чем страх. И в торжество над смертью тоже не верю. Нет и нет!

Но я промолчала, ссутулившись на низком табурете. В ушах звучал голос У Ба. Спокойный, мелодичный и по мягкости своей очень напоминающий отцовский. Он, словно эхо, снова и снова повторял слова:

«Посидите со мной еще немного, Джулия, Джулия, Джулия...»

«Вы верите в любовь, в любовь...»

«Ваш отец, отец...»

Я была измотана. Болела голова. Казалось, я наконец-то проснулась, вырвалась из цепких лап кошмара. Вокруг жужжали мухи, садились на волосы, лоб и руки. У меня не хватало сил их отогнать. Передо мной на тарелке лежали три засохших пирожных. Стол был усеян липкими крошками тростникового сахара. Хотела отхлебнуть остывшего чая, но, как ни сжимала стакан, он все равно выскользнул из трясущихся рук. Я наблюдала за его падением — медленным, но не настолько, чтобы поймать беглеца. Посетители удивленно обернулись на звон стекла. Можно подумать, я опрокинула сервант, полный посуды! И зачем я столько времени слушала этого старика? Ведь в любой момент могла его прервать. Нужно было вежливо, но твердо попросить: «Оставьте меня в покое». Или просто встать и уйти. И я уже собиралась это

сделать, когда он вдруг сказал: «Джулия, Джулия Вин». Никогда бы не подумала, что собственное имя так меня взбудоражит. Бешено колотилось сердце. Откуда он знает отца? Когда в последний раз его видел? Может, этому У Ба известно, жив ли папа и где скрывается?

Глава 2

Официант отказался брать деньги.

— Вы — друг У Ба. Его друзья — наши гости, — сказал он и поклонился.

Но я все же вытащила из кармана джинсов купюру — засаленную и рваную. Брезгливо поморщившись, запихнула ее под тарелку с пирожными. Официант убрал посуду, но на чаевые не взглянул. А когда я жестом на них указала, лишь улыбнулся.

Может, я слишком мало предложила? Или ему не понравилась заляпанная бумажка? Я выложила на стол более чистую и крупную купюру. Официант поклонился, снова улыбнулся и отошел, не дотронувшись до денег.

На улице было жарче, чем в чайном домике. Жара парализовывала. Я стояла перед кафе, не в силах сделать ни шагу. Солнце жгло кожу, перед воспаленными глазами плясали разноцветные круги. Я надела бейсбольную кепку, стараясь прикрыть лицо козырьком.

Людная улица поразила меня странной тишиной. Чего-то не хватало, и я не сразу поняла, чего именно. Автомобилей. Люди либо шли пешком, либо ехали на велосипедах. На перекрестке я увидела три конные повозки и еще одну, запряженную волами. Изредка все же встречались автомобили — старые, помятые и заржавленные японские пикапы, забытые плетеными корзинами и мешками. Тут же, в кузове, сидели

молодые люди и держались за свои пожитки так, будто в них заключалась вся их жизнь.

По обе стороны улицы тянулись приземистые, одноэтажные деревянные лачуги с ржавыми металлическими крышами. Подобные строения я видела в телепередачах о жизни африканских или южноамериканских трущоб. В здешних «бараках» помещались бизнес-конторы и универсамы площадью в сто квадратных футов, где торговали всем: от риса, арахиса и муки до шампуня, кока-колы и пива. Товары лежали совершенно хаотично. Если и существовал какой-то порядок, я его не заметила.

Едва ли не каждое второе строение оказывалось чайным домиком, посетители которого сидели на низеньких деревянных табуретках. Их головы были повязаны зелеными полотенцами. Похоже, для местных жителей такие уборы были столь же привычными, как для меня кепка с эмблемой «Нью-Йорк янкиз». Брюки мужчинам заменяли куски ткани, обернутые вокруг пояса на манер юбок. Почти все курили длинные темно-зеленые сигариллы.

Мне встретились две женщины. Их щеки, лбы и носы покрывали желтые узоры, похожие на боевую раскраску индейцев. Женщины тоже курили вонючие зеленые сигариллы.

Я была на целую голову выше местных жителей, даже мужчин. Зато все они отличались худощавостью, но не сухопаростью и двигались с легкостью и изяществом. Вспомнилась отцовская походка — такая же легкая и изящная. Я восхищалась ею и безуспешно пыталась ей подражать. По нью-йоркским меркам я считалась вполне худенькой. Но здесь, при росте в пять футов девять дюймов и ста тридцати фунтах веса, ощущала себя долговязой, неуклюжей толстухой.

Однако неприятнее всего были пристальные взгляды. Никто из местных и не думал отводить глаза. Наоборот, они разглядывали меня и улыбались. Что вызывало такую реакцию, я не понимала.

Каким пугающим бывает смех!

Некоторые кивали мне. Они что, меня знают? Или, подобно У Ба, ждали моего приезда? Я старалась не смотреть на них, поскольку понятия не имела, как надлежит отвечать на такие приветствия. А потому просто смотрела вдаль, сосредоточившись на воображаемой точке, и пыталась как можно быстрее добраться до гостиницы.

Я вдруг затосковала по Нью-Йорку с его шумом, грохотом и нескончаемым потоком машин, по серьезным, непроницаемым лицам пешеходов, безразличных ко всему вокруг. Я даже скучала по переполненным мусорным бакам и зловонию, которое они источают душными и влажными летними вечерами. Безумно хотелось встретить что-то знакомое, за что можно ухватиться и почувствовать себя в безопасности. Хотелось вернуться в привычный мир, в котором я ориентировалась и знала, как себя вести.

Пройдя сотню ярдов, я оказалась на развилке и вдруг поняла, что не помню, в какой стороне мой отель. Я вертела головой в надежде найти ориентир — дорожный указатель или знакомую деталь ландшафта: куст, дерево, дом, которые я запомнила, выходя из гостиницы на прогулку. Однако мой взгляд наткнулся лишь на высоченные бугенвиллеи (они полностью заслоняли лачуги, возле которых росли), выжженные солнцем поля и дорожные рытвины, способные вместить в себя несколько баскетбольных мячей. Словом, куда бы я ни повернулась, везде был чужой, пугающий мир.

Как могло случиться, что я, Джулия Вин, уроженка Нью-Йорка, знающая едва ли не все улицы и улочки Манхэттена, потерялась в жалком городишке, который всего-то три квартала в длину и два в ширину? Куда девались мои память, находчивость и боевой дух, никогда не оставлявшие меня в прогулках по Сан-Франциско, Парижу и Лондону? Как я позволила себе заблудиться? Я вдруг почувствовала себя одинокой и обескураженной.

— Мисс Вин! Мисс Вин! — окликнул меня чей-то голос.

Я не решилась обернуться, лишь глянула через плечо. Позади стоял незнакомый молодой человек. Он мог быть кем угодно: посыльным гостиницы, официантом чайного домика, носильщиком рангунского аэропорта или столичным таксистом. Лица всех были совершенно одинаковыми: черные волосы, темно-карие глаза, смуглая кожа и непонятная, пугающая улыбка.

— Вы что-то ищете, мисс Вин? Вам помочь?

— Нет, спасибо.

Не доверяю незнакомцам и не желаю зависеть от этого человека. Но оставаться одной в чужом городе тоже не хочется...

— Простите... я... заблудилась. Гостиница... она в какой стороне? — спросила я, мечтая поскорее оказаться в номере, в который вселилась утром.

— Сверните вправо и идите вверх. Минут через пять увидите гостиницу.

— Благодарю вас.

— Надеюсь, вам у нас понравится. Добро пожаловать в Кало, — сказал он и пошел дальше.

В отеле я молча прошла мимо улыбающегося портье, поднялась по массивной деревянной лестнице на второй этаж, толкнула дверь своего номера и плюхнулась на кровать. Давно я так не выматывалась.

Перелет из Нью-Йорка в Рангун занял более трех суток. Потом еще ночь и полдня я тряслась в древнем автобусе, битком набитом людьми, от которых воняло, как от сточной канавы. Вся их одежда состояла из замызганных юбок, ветхих футболок и стоптанных синтетических сандалий. С собой они волокли цыплят и визжащих поросят. Двадцать часов пути по дорогам, которые и дорогами-то назвать нельзя. На что они похожи? По-моему, на русла пересохших рек. Целью моего путешествия был заштатный городишко в отда-

ленной горной провинции. Зачем я ехала в это бирманское захолустье? Что я тут потеряла? Ничего, но надеялась кое-что найти. Смешно. Я отправилась на поиски, не имея ни малейшего представления о том, чего же я ищу.

Должно быть, я уснула. Солнце успело скрыться, и гостиничный номер тонул в полумраке. На второй кровати лежал чемодан, который я так и не удосужилась открыть. Я озиралась по сторонам, напоминая себе, где нахожусь. Надо мной крутились деревянные лопасти старого потолочного вентилятора. Номер был просторным, однако спартанская меблировка делала его похожим на монашескую келью. Возле двери стоял платяной шкаф, у окна — стол со стулом, а между кроватями — ночной столик. На белых стенах ни зеркала, ни картин. Под ногами поскрипывали старые гладкие половицы. Единственным предметом роскоши был маленький корейский холодильник, да и тот не работал. В открытые окна неторопливо вливался прохладный вечерний воздух, шелестя желтыми портьерами и навевая сон.

Неожиданная встреча со стариком казалась еще абсурднее и загадочнее, чем несколько часов назад. Возможно, из-за сумерек. Память об этой встрече успела размыться и потерять последовательность. Откуда-то выплывали призрачные образы, которые я не могла объяснить, бессмысленные картины. Я попыталась вспомнить лицо У Ба, но в памяти остались лишь густые, седые, коротко стриженные волосы. И странная, совершенно непонятная мне улыбка. Была ли это насмешка? Издевка? Или, наоборот, сочувствие?

Чего он хотел от меня?

Денег! Чего же еще? Он не просил напрямую, однако все его замечания о зубах и рубашке недвусмысленно намекали. Как же я раньше не догадалась? Мое имя он легко мог узнать в гостинице. Возможно, даже сговорился с портье. Старый мошенник хотел разжечь мое любопытство, произвести впечатление, а затем предложить свои услуги предсказателя,

астролога или хироманта. Но я не попала на его удочку. Знал бы он, что напрасно расточал красноречие!

И вообще, какие слова из речи У Ба позволяли предположить, что он действительно знаком с отцом? Тот якобы ему сказал: «Знаешь, У Ба, я — человек нерелигиозный, и любовь — единственная сила, в которую верю». Мой папа никогда бы не додумался до такой фразы и уж тем более не стал бы произносить ее вслух, да еще в разговоре с незнакомцем. А может, я сама себя дурачу? Вообразила, будто понимаю мысли и чувства отца! Насколько хорошо я была с ним знакома?

Мог ли папа, которого, как мне казалось, я знаю, внезапно исчезнуть, не оставив даже коротенькой записки? Мог ли бросить жену, сына и дочь, ничего не объяснив и не дав о себе знать?

В полиции нам сообщили, что в Бангкоке его след оборвался. Возможно, в Таиланде отца ограбили и убили.

А может, он стал жертвой несчастного случая на берегу Сиамского залива? Вдруг ему захотелось сменить обстановку и отдохнуть пару недель в тишине? Прилетел в Таиланд, приехал на побережье, пошел купаться и утонул. Эту версию наша семья приводила, отвечая на многочисленные расспросы, и она считалась как бы официальной.

Полицейский отдел, занимающийся расследованием смертей при невыясненных обстоятельствах, подозревал, что отец вел двойную жизнь. Копы с недоверием отнеслись к утверждениям матери, будто ей ничего не известно о первых двадцати годах жизни ее мужа. Само это утверждение показалось им абсурдным. На первых порах полицейские даже заподозрили мать в причастности к исчезновению мужа, посчитав ее либо сообщницей, либо организатором. Только потом, когда выяснилось, что жизнь папы не была застрахована и что заказное убийство не принесло бы его жене баснословных денег, с матери сняли все подозрения. Следствие пошло по другому руслу. Вдруг потому и окутаны тайной

первые двадцать лет жизни отца, что в ней имелась некая скрытая сторона, о которой близкие даже не догадывались? Вдруг он был тайным гомосексуалистом? Или педофилом, решившим удовлетворить порочную страсть в притонах Бангкока?

Хотела ли я узнать всю правду? Хотела ли, чтобы неожиданное открытие очернило его образ — образ верного мужа, успешного юриста, прекрасного и сильного отца, всегда готового помочь своим детям? Не сотвори себе кумира. Не создавай идеалов. Но разве в жизни можно без них обойтись? Если не всю правду, то какую ее часть я способна принять, не разрушив своего мира?

Так что же погнало меня на другой конец света? Я уже не скорбела по отцу. Стадия горя миновала. Четыре года — срок немалый. Поначалу я сильно убивалась, но быстро убедилась в правильности расхожего выражения: «Жизнь продолжается». Даже без горячо любимого отца. Мои друзья утверждали, что я довольно быстро справилась со «всей этой историей».

И не забота о его благополучии вынудила меня отправиться на поиски. Честно говоря, я сомневалась, что папа до сих пор жив. Но если и так, он вряд ли нуждался в моей помощи. Да и чем я могла ему помочь?

Меня мучила неопределенность. Хотелось узнать, почему отец столь внезапно пропал и может ли его исчезновение пролить свет на темные стороны его жизни. Действительно ли я хорошо понимала его, или мне это только казалось? Были наши близкие отношения настоящими или иллюзорными? Подозрения терзали сильнее, чем страх узнать правду. Они омрачали память детства и вообще все воспоминания об отце. Я начинала сомневаться в них, и это было ужасно. Воспоминания — это все, что у меня осталось. Так кем же был человек, давший мне жизнь? С кем я прожила под одной крышей более двадцати лет? Кем в действительности был мой отец?

Глава 3

Моему последнему воспоминанию об отце уже четыре года.

Помню утро после выпускной церемонии в колледже. Я осталась ночевать в родительской квартире, в доме на Шестьдесят четвертой улице манхэттенского Ист-Сайда. Мне постелили в моей бывшей комнате, превращенной в гостевую. Окончание колледжа праздновали в узком семейном кругу. Я могла бы и не оставаться ночевать — до своей квартиры на Второй авеню менее десяти минут ходьбы. Но был почти час ночи. В голове шумело от шампанского и красного вина, и я решила не испытывать судьбу. Брат на тот момент уже давно жил в Сан-Франциско и специально прилетел на мой праздник. Мы провели удивительно прекрасный вечер. Отец безостановочно смеялся и шутил, что случалось с ним крайне редко. Он терпеть не мог вечеринок и практически не пил. Меня охватила ностальгическая грусть по семье, по детству с его звуками и запахами. Как здорово снова проснуться под звон посуды, которую отец вынимал из посудомоечной машины, чтобы накрыть стол к завтраку! Снова вдохнуть аромат свежесваренного кофе и теплых булочек с корицей — любимого детского лакомства. Как приятно снова услышать отцовские шаги, когда он, еще полусонный, идет за газетой. Мягко открывалась массивная старая дверь, папа забирал из ящика пухлый выпуск «Нью-Йорк таймс», уносил на кухню и звучно бросал на кухонный стол. Вместе с окончанием колледжа безвозвратно закончилась замечательная студенческая пора. Мне захотелось продлить ее хотя бы на одну ночь и утро. Начать новый день с привычных ритуалов детства, еще раз окунувшись в безмятежность той поры.

Я словно что-то предчувствовала.

В то утро отец обошелся без кофе и булочек с корицей. Он разбудил меня рано. Сквозь тонкие деревянные жалюзи пробивался серый утренний свет. Должно быть, солнце еще

не взошло. Папа стоял у моей кровати, одетый в старомодный серый плащ и коричневую итальянскую шляпу «борсалино». Этот его наряд я помнила с детства, со времен, когда по утрам провожала отца на работу. Я вставала у окна и махала ему рукой. Иногда даже плакала, не желая отпускать. Спустя несколько лет за папой начал приезжать большой черный лимузин с шофером, от порога до машины нужно было пройти каких-нибудь три шага, но отец все равно облачался в привычный наряд. Он никогда не менял стиль, регулярно покупая себе новые плащи и новые «борсалино». Шляп у него было полдюжины: две черные, две коричневые и две темно-синие. Когда плащи такого фасона перестали продавать даже в самых консервативных нью-йоркских магазинах, папа шил их на заказ.

«Борсалино» были его талисманом. Первую итальянскую шляпу отец купил, собираясь на первое собеседование по поводу работы. Его приняли. В те далекие времена шляпа говорила об умении одеваться со вкусом. Но мода не стояла на месте; постепенно «борсалино» переключались в разряд старомодных, а затем и эксцентричных головных уборов. Дошло до того, что отца стали воспринимать как сошедшего с экрана героя фильма пятидесятых годов. Мне, тринадцатилетнему подростку, нередко приходилось краснеть из-за отцовского консерватизма, огрызаясь на шуточки сверстников. Ну почему, почему он застрял в моде своей юности? Не менее нелепой выглядела и его привычка кланяться, здороваясь с матерями моих подруг. Иногда папа заезжал в школу. Видя его, ребята откровенно смеялись. Я жалела отца и не могла даже представить, что подростковые насмешки задевают его гораздо меньше, чем меня. Он не носил ни джинсов, ни слаксов, ни толстовок и не одобрял манеру американцев одеваться небрежно. По мнению отца, такая одежда потворствовала низшим человеческим инстинктам, среди которых было и настойчивое стремление к телесному комфорту.

Разбудив меня, папа шепотом сообщил, что летит в Бостон на деловую встречу. Возможно, ему придется там задержать-

ся на пару дней, а то и больше. Одно это уже должно было насторожить. Что значит «возможно»? Деловой календарь отца по точности мог соперничать с его наручными часами. Он постоянно летал в Бостон и всегда возвращался в тот же день... Но я слишком хотела спать и не придавала особого значения отцовским словам. Он поцеловал меня в лоб и сказал:

— Малышка, я люблю тебя. Всегда помни об этом. Слышишь?

Я сонно кивнула и пробормотала:

— Я тоже тебя люблю. Береги себя.

Потом повернулась на другой бок, уткнулась в подушку и сразу же заснула. Я не знала, что вижу отца в последний раз.

Впервые мы заподозрили неладное в одиннадцатом часу утра. До этого все складывалось просто замечательно. Я выспалась и вышла на кухню. Брат не захотел будить меня и улетел в Сан-Франциско, не простившись. Мама сидела в нише кухонного эркера с чашкой кофе в руках, листала «Вог» и ждала, когда я проснусь, чтобы вместе позавтракать. С блюда на меня призывно поглядывали теплые булочки с корицей и рогалики, ломтики копченой лосося, творожный сыр и клубничный джем. Я сидела на своем прежнем месте, забравшись на стул с ногами и подтянув колени к подбородку, ждала, пока сварится кофе, потягивала апельсиновый сок и рассказывала матери о планах на лето. И тут раздался телефонный звонок. Сьюзен, секретарша отца, интересовалась, не заболел ли мистер Вин. В десять часов у него должна была начаться важная встреча. Секретарша, привыкшая к пунктуальности шефа, поразила его отсутствию. Она изумилась еще сильнее, узнав, что мистер Вин улетел в Бостон. По ее словам, он в ближайшее время туда не собирался.

Внезапное изменение отцовских планов удивило маму, но не столь сильно, как Сьюзен. Возможно, потому, что ей не нужно было отбиваться от рассерженного голливудского

магната и его адвокатов. Поговорив еще пару минут, обе женщины выразили уверенность, что вскоре все должно проясниться. Возможно, отцу не удалось вовремя позвонить Сьюзен, а сейчас он находится на важном совещании. В ближайший час или два он обязательно выйдет на связь и объяснит причину столь спешной поездки в Бостон.

Сегодня наше поведение кажется мне странным, но тогда звонок Сьюзен нас ни капельки не насторожил. Мы продолжали завтракать. Об отце не было сказано ни слова. После завтрака мы отправились в косметический салон, затем пошли через Центральный парк в роскошный универмаг «Бергдорф Гудмэн». Лето только начиналось, и дни еще не успели наполниться влажной духотой. Я очень люблю Нью-Йорк в эту пору. В парке пахло свежескошенной травой. На Овечьем лужке сидели и лежали люди, наслаждаясь нежарким солнцем. Двое подростков, скинув рубашки, бросали друг другу пластиковый диск «летающей тарелки». Перед нами, держась за руки, неспешно катились на роликовых коньках двое мужчин лет тридцати. Мне захотелось остановиться, закрыть глаза и обнять окружающий мир. В такие дни я всегда ощущала, что жизнь полна самых разнообразных возможностей и они ждут, когда я ими воспользуюсь.

Но мама упорно тащила меня в универмаг. Там она купила мне желтое летнее платье с цветочным орнаментом, а затем пригласила перекусить в ресторане отеля «Плаза». Не могу сказать, что мне нравился этот отель. Кому сейчас нужны претенциозные интерьеры в духе французского ренессанса? К чему это нагромождение украшений, от которого так и веет раздражительством и дешевкой? Однако я давно убедилась: пытаться зазвать маму в другой ресторан — дело обреченное на провал. Она обожала гостиничный вестибюль с позолотой на стенах и высоких потолках. Ей нравились перенасыщенные изысканностью колонны. И конечно же, она любила подчеркнутое внимание персонала, включая французское приветствие метрдотеля: «Bonjour, Madame Win».

Мы расположились между двумя пальмами, вблизи небольшого шведского стола, предлагавшего пирожные, сласти и мороженое. Вокруг столиков фланировали двое скрипачей, игравших венские вальсы.

Мама заказала русские блины с икрой и два бокала шампанского.

— Мы опять что-то празднуем? — спросила я.

— Твое окончание колледжа, дорогая.

Блины оказались пересоленными, а шампанское — чересчур теплым. Мама подозвала официанта.

— Да брось ты, мам, — запротестовала я. — Все вполне приемлемо.

— Сомневаюсь, — возразила она, давая понять, что я ничего не смыслю в подобных вещах. — Это и близко не стояло с «приемлемым».

Она отчитала официанта. Тот, рассыпаясь в извинениях, забрал тарелки и бокалы. Мама говорила спокойно, но каждое ее слово било наотмашь. В детстве эта манера общения меня пугала. Сейчас было просто неприятно выслушивать ее нотации официанту.

— Когда я заказываю блины с икрой, я рассчитываю, что они будут отменного качества, а не «вполне приемлемо». А тепленькое шампанское — это просто издевательство. — Она посмотрела на меня. — А ты бы, наверное, все молча съела и выпила. Да?

Я кивнула.

— Вот и твой отец такой же. Просто поразительно, как много ты унаследовала от него.

— В каком смысле? — спросила я, поскольку мамины слова отнюдь не звучали комплиментом.

— А в таком! Это твое смирение, пассивность, страх пойти на конфликт! Если меня скверно обслужили, почему я должна молчать?

— Препираться из-за пересоленных блинов? Какая скука.

— Это что, трусость или высокомерие? — продолжала распалаться мама, будто не слыша моих слов.

— При чем тут высокомерие?

— Вы оба не желаете снизить до того, чтобы поставить официанта на место.

Я не понимала истинной причины разгоравшегося гнева. Вряд ли пересоленные блины и теплое шампанское могли так сильно ее разозлить.

— Как же! Ваши головы заняты рассуждениями о высоких материях. Это и есть высокомерие.

— Просто мне не хочется заострять внимание на пустяках.

Я чуяла опасность затяжной дискуссии и потому отговорила полуправдой. С одной стороны, я действительно терпеть не могу все эти конфликты в ресторанах, отелях или магазинах. Но с другой стороны, я не могу похвастаться унаследованным от отца спокойствием. Если я молчу и выглажу хладнокровной, то внутри у меня все клоочет. Я ощущаю себя слабачкой, и это меня злит. Отцовская невозмутимость всегда была настоящей, а не наигранной. Его и в самом деле мало что задевало. Если кто-то грубил или скверно его обслуживал, он никогда не принимал это на свой счет. Если кто-то нагло вклинивался в очередь, отец лишь улыбался. Он никогда не считал сдачу, зато мама пересчитывала каждый цент. Я завидовала папиному самообладанию, мама его просто не понимала. Она была в равной степени требовательной к себе и окружающим. Отец же предъявлял строгие требования только к себе.

— Хорошенькие пустяки! — воскликнула мама. — Тебе что, наплевать, как тебя обслуживают за твои же деньги? Это немыслимо.

— Мама, можно мы закроем тему? — попросила я и задала более важный для меня вопрос: — Скажи, а ты не беспокоишься за папу?

Она улыбнулась и покачала головой:

— Нет. А с чего мне беспокоиться?

Содержание

ИСКУССТВО СЛЫШАТЬ СТУК СЕРДЦА

Часть первая	7
Часть вторая	97
Часть третья	206

СЕРДЦЕ, ЖИВУЩЕЕ В СОГЛАСИИ

Часть первая	285
Часть вторая	365
Часть третья	484

Зендкер Я.-Ф.

3 56   Искусство слышать стук сердца ; Сердце, живущее в согласии : романы / Ян-Филипп Зендкер ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 576 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-17368-2

Отец Джулии Вин — личность поистине загадочная. Он блестящий американский адвокат и добропорядочный семьянин, но его прошлое окутано тьмой. Поэтому, когда однажды мистер Вин исчезает, полиция и родные понятия не имеют, где его искать. Единственная зацепка — любовное послание к некой женщине по имени Ми Ми, которая живет по другую сторону океана. Через четыре года после исчезновения отца это письмо находит его дочь Джулия. Она успешный юрист, но ее личная жизнь не сложилась, и Джулия, чтобы избежать мучительных вопросов на эту тему, решает отправиться в далекую неизвестную страну, где ей предстоит овладеть очень непростым искусством — слышать стук сердца других людей и научиться жить в согласии со своим сердцем.

УДК 821.112.2

ББК 84(4Гем)-44

Литературно-художественное издание

ЯН-ФИЛИПП ЗЕНДКЕР

ИСКУССТВО СЛЫШАТЬ СТУК СЕРДЦА СЕРДЦЕ, ЖИВУЩЕЕ В СОГЛАСИИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверт
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Маргарита Ахметова, Ирина Киселева,
Анастасия Келле-Пелле

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.11.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ABB-25887-01-R